

Глава 18

Осколок памяти

***

Гу Цянь сегодня научит его уму-разуму

***

Перед уходом Гу Цянь вырезал бумажного человечка и, наполнив его духовной силой, вытряхнул Линь Му из стабилизатора души.

В первый раз — страшно, во второй — привычно: Линь Му ловко нырнул в бумажную оболочку и принялся осваиваться в новом теле. Теперь в списке обитателей двора № 014 в переулке Уван, помимо Цзи Лююня, появилась ещё одна призрачная фигура, по-хозяйски обходившая территорию.

— Приглядывай за домом, — бросил Гу Цянь, переступая через порог.

— Приглядывай за домом, — как эхо, повторил Цзи Лююнь, старательно копируя интонации, и плотно прикрыл за собой дверь.

Дядя Ли из лавки напротив как раз смахивал пыль с полок яркой метёлкой из перьев. Увидев парней, он приветливо махнул рукой:

— Снова куда-то намылились?

Гу Цянь вежливо кивнул:

— Да, есть пара дел.

«Попугай» Цзи тут же замер на месте.

— Да, есть пара дел, — отрапортовал он.

Дядя Ли лишь добродушно рассмеялся и наказал ребятам быть осторожнее и возвращаться поскорее.

***

Воспользовавшись духовной силой, чтобы отвести глаза случайным свидетелям, Гу Цянь с Глупым Псом проскользнули в кабинет образцов и благополучно забрали ногу. Юноша взвесил её в руке, пощупал — на ощупь конечность была плотной и тяжёлой. Материал этого марионеточного тела совсем не походил на бумагу; скорее, он напоминал какую-то редкую, податливую древесину.

— Сделано на совесть, — вынес вердикт медиум.

Цзи Лююнь тут же расплылся в довольной улыбке и кокетливо прищурился:

— Я рад, что тебе нравится.

Гу Цянь закатил глаза и убрал трофей, решив, что приладит его на место, когда они вернутся домой.

Сегодня расчёты Шэнь Цзяньвэя не оправдались. Обещанный «час нагоняя» плавно перетёк в затяжной «дополнительный тайм».

Проходя мимо терминалов регистрации, Гу Цянь мельком глянул на списки врачей нейрохирургии. Имени Линь Му там больше не было. Смерть человека в этом обществе выглядит именно так: твоя личность стирается шаг за шагом, документ за документом.

Чуть помедлив, он нашёл кабинет Шэнь Цзяньвэя. Из-за закрытой двери по-прежнему доносились гневные тирады. Проходившие мимо медсёстры испуганно перешёптывались, стараясь поскорее миновать «опасную зону». Гу Цянь, скрестив руки на груди, прислонился к стене в коридоре, волей-неволей вслушиваясь в крики:

— Шэнь Цзяньвэй, посмотри на себя! На что ты стал похож? Пациенты жалуются на твою холодность и безразличие! Для кого ты вечно строишь эту кислую мину?!

— У человека обычная головная боль от перенапряжения, а он, увидев твою физиономию, решил, что у него опухоль мозга, и побежал рыдать к руководству больницы!

— Он сам не дослушал, — слышался спокойный голос медика.

— Ты! Ты ещё и огрызаешься?!

Старый руководитель внутри, судя по звукам, перешёл к физической активности — то ли топал ногами, то ли метался по кабинету. Несмотря на свой вечно полумёртвый вид, его подчинённый умел язвить так, что становилось не по себе.

— Я же не мог взять рупор и прокричать ему в ухо: «Поздравляю! Спешу обрадовать, это не

рак, а просто голова кружится! Идите домой и откройте шампанское, я так за вас счастлив!» — продолжал хирург.

Гу Цянь невольно вскинул бровь.

«Ну вот и причина вечных скандалов», — невольно подумал он.

Они виделись всего несколько раз, и Шэнь Цзяньвэй всегда казался ледяной глыбой: невозмутимый, немногословный, с вечно холодным взглядом. Но именно этот тон — безучастный и в то же время едкий — ранил сильнее всего. Юмор этого человека напоминал затхлый омут.

— А потом мне нужно было осыпать его конфетти на прощание? — добавил врач.

Даже через стену Гу Цянь чувствовал, как закипает ярость старика. Он слышал его тяжёлое, прерывистое дыхание.

«А сердечно-сосудистая система у деда крепкая, — отметил про себя юноша, — раз до сих пор не свалился»

— Ты меня в могилу сведёшь, — наконец выдохнул руководитель.

Шэнь Цзяньвэй парировал мгновенно:

— Вряд ли. Я видел результаты вашей диспансеризации за первое полугодие. Вы здоровее меня.

— Вон! Пошёл вон! Чтобы к вечеру отчёт был у меня на столе!

— Я не умею писать отчёты о борьбе с коррупцией и взяточничеством. Этим должны заниматься вы — как начальство, — отрезал врач. — К тому же, я ведь уже подал заявление об увольнении, разве нет?

Снова воцарилась гробовая тишина.

— А я его подписал?! Ты хоть понимаешь, сколько сил и средств медицинский университет вложил в ваше обучение? Сколько больница потратила на ваше повышение квалификации?!

На этот раз Шэнь промолчал.

— Послушай, парень... Так нельзя. Где это видано, чтобы в твои годы человек был таким?

Скажи мне честно, почему ты хочешь уйти? Это... это из-за Линь Му? Ты чувствуешь вину? Или испугался?

Голос старика внезапно дрогнул, и он будто постарел на десять лет за одну секунду.

— То, что случилось, уже не исправить. Больница выплатила компенсацию семье Линь Му, тебе не о чем беспокоиться. Я же добра тебе желаю, ты мой самый талантливый ученик...

Прошло много времени, прежде чем Шэнь Цзяньвэй тихо ответил:

— Не сердитесь больше. Я того не стою.

***

Шэнь Цзяньвэй не ожидал увидеть эту парочку, едва выйдя за дверь.

Странные люди. При первой встрече вломилась в кабинет, заявили, что знают предсмертную волю Линь Му, и даже принесли его записи. Насколько врач помнил, в окружении его коллеги никогда не было таких личностей. Он думал, что они потребуют чего-то взамен, но даже после того как вчерашняя операция успешно завершилась, этот бледный юноша просто связался с ним сам. Понять мотивы их поступков было решительно невозможно.

Сейчас Гу Цянь непринуждённо прислонился к стене, ожидая его.

— Всё слышали? — Шэнь Цзяньвэй привычным жестом поправил белый халат. Тон его оставался ровным.

— Кое-что уловил, — не стал юлить медиум, прямо взглянув собеседнику в глаза. — Ты ведь не только заявление об уходе написал?

Врач замер.

— Ты написал предсмертную записку.

Это не был вопрос — лишь констатация факта.

Шэнь Цзяньвэй поднял голову. Холодный свет люминесцентных ламп отразился в его глазах, обнажая пугающую пустоту. Он бросил взгляд на приоткрытую дверь кабинета, из-за которой всё ещё слышалось тяжёлое дыхание его наставника.

— Поговорим в другом месте.

***

Знакомая зона отдыха, где курение было под запретом.

— Откуда ты узнал про записку?

Юноша проигнорировал вопрос и задал свой:

— Говорят, вы с Линь Му враждовали из-за должности заведующего отделением. Почему? Глядя на тебя, я не верю, что ты стал бы с ним соперничать.

Гу Цянь спрашивал это не из праздного любопытства. Он нутром чуял — здесь что-то не так. Наблюдая за Шэнь Цзяньвэем, он понимал: они с Линь Му вовсе не были заклятыми врагами, как описывал Сяо Су. Просто у каждого свой взгляд на вещи.

От того, что ответит хирург сейчас, зависело решение медиума: позволит ли он ему увидеться с Линь Му ещё раз.

«Одержимость может как погубить, так и спасти», — мелькнуло в голове у юноши.

Смерть — материя слишком серьёзная, чтобы просто стоять в стороне. Это не вопрос добра или зла, это вопрос внутренней черты, которую нельзя переступить.

Шэнь Цзяньвэй внимательно посмотрел на молодого человека. Тёмные глаза Гу Цяня были спокойны; в них не было ни осуждения, ни жадного интереса. Они напоминали зеркальную гладь озера, которая не даёт ответов, но которой хочется доверять.

А возможно, дело было в том, что последние дни стали для врача невыносимой пыткой. Всё то, что касалось Линь Му, всё то, что нельзя было произнести вслух, всё то, что он уже не надеялся высказать...

Внезапно ему захотелось сорвать все печати.

— Если бы я не подал заявку на эту должность, её занял бы кто-то другой. Я собирался сняться в последний момент, чтобы Линь Му гарантированно получил это место. И условия работы у него были бы лучше.

Слова дались ему легче, чем он ожидал.

— Вот и всё, — добавил Шэнь Цзяньвэй. — Просто вот так.

Это признание было лишь верхушкой айсберга его сокровенных мыслей. Если копнуть глубже, там нашлось бы, о чём поговорить часами. Но, к удивлению врача, Гу Цянь не стал расспрашивать дальше, лишь понимающе кивнул. Зато его златовласый спутник не смог сдержать эмоций:

— Какая у вас крепкая дружба — строить козни друг другу во благо!

Шэнь Цзяньвэй: «...»

— Ты не совсем верно используешь эти слова, — поправил Гу Цянь Глупого Пса и снова обратился к собеседнику: — И зачем ты продолжаешь огрызаться, зная, что тебя снова отчитают?

Там, в коридоре, он слышал, как старик говорил о погибшем: ни капли жалости, ни тени скорби — лишь сухая оценка выгоды и потерь. Слушать это было тошно.

— Ах, это, — безэмоционально отозвался хирург. — В больницах, да и во всей системе, всё устроено именно так. Я знаю, что учитель желает мне добра, но в этом добре всегда есть место его собственному эгоизму. Я его ученик, и мои успехи — это и его слава тоже. Я вижу этот эгоизм, но чувствую, что он действительно заботится обо мне.

Странное противоречие: этот эгоизм не был настолько тёмным, чтобы вызывать открытый протест, но его было достаточно, чтобы порождать глухое раздражение. Годы шли, и эта «мелкая болячка» превратилась в невыносимый зуд.

Цзи Лююнь, который в последнее время пересмотрел кучу сериалов, сразу всё понял. Четырёхсотлетний призрак лишь горестно вздохнул:

— Ну почему люди не могут быть проще друг с другом?

Гу Цянь, напротив, не видел в этом ничего из ряда вон выходящего. Он пожал плечами:

— А что тут такого? У любого человека в душе найдётся какая-нибудь грязь.

Это обобщение задело всех сразу. И активировало защитную систему Шэнь Цзяньвэя.

— Э-э... а ты?

Юноша ответил прямо и честно:

— И я тоже не подарок.

Цзи Лююнь, не терпящий нападок на хозяина, с укоризной заметил:

— Как можно так говорить о себе? Оставь это другим.

«Другой» в лице врача предпочёл промолчать.

Странная пара. Совершенно противоположные характеры: один — молчаливый и холодный, другой — живой и сияющий. И всё же они смотрелись удивительно гармонично. Этот златовласый спутник был словно маленькое солнце, и медиум, кажется, совсем не возражал против его тепла.

Кстати, у блондина, похоже, были проблемы с ногой. В прошлый раз хирург не успел присмотреться, а сейчас лишь мельком глянул и сразу отвёл глаза, проявляя деликатность. Гу Цянь заметил это уважение к Глупому Псу и окончательно утвердился в своём решении: он позволит им с Линь Му встретиться.

Шэнь Цзяньвэй ещё не знал, что этот крошечный жест вежливости изменит всю его дальнейшую жизнь.

— Значит, тебе тошно, но сказать ты ничего не можешь, — подытожил Гу Цянь анализ отношений с наставником. — И твой дед тоже недоволен, поэтому распекает тебя при каждой возможности, верно?

— Да, примерно так, — подтвердил врач. — У меня нет амбиций, а он злится, что «талант пропадает».

— У меня есть способ сделать так, чтобы он больше не вызывал тебя на ковёр тет-а-тет. Если и будет ругать, то только при всех и только если ты действительно накосячишь.

Когда в голове у Гу Цяня рождался очередной коварный план, его глаза весело сощуривались. Он спросил собеседника:

— Совесть и достоинство тебе дороги?

— ...Ну, в какой-то мере.

— Ты всё равно собрался на тот свет, так чего тебе бояться позора?

Шэнь Цзяньвэй нашёл этот довод весьма убедительным.

Гу Цянь велел врачу отдать ему телефон, пообещав всё уладить. Тот сам подивился своему

безумию, когда действительно протянул мобильник незнакомцу. Юноша быстро что-то напечатал и вернул устройство обратно.

Как оказалось, Гу Цянь через «Сяо Люйсинь» отправил тому самому наставнику, почтенному старику, мечтающему о спокойной пенсии в кругу внуков, пылкое любовное признание от имени Шэнь Цзяньвэй. Пылкое послание, способное потрясти небеса и попать все нормы морали.

— Теперь он будет обходить тебя по самой дальней дуге, — заверил Гу Цянь. — Тот, кому плевать на приличия, наслаждается миром. Иногда полезно немного сойти с ума — для здоровья полезно.

Молодой человек совершил этот вопиющий поступок с абсолютно невозмутимым лицом. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь листву, ложились пятнами на его лицо и вспыхивали в глазах, словно разгорающийся костёр, в пламени которого любые проблемы теряли свой вес.

Шэнь Цзяньвэй замер на мгновение, а затем внезапно расхохотался во весь голос. Это было дико, нелепо и... чертовски приятно.

***

Три фигуры миновали холл больницы и неспешно направились к выходу.

— Почему я должен идти к тебе домой, чтобы услышать его слова? — недоумевал Шэнь Цзяньвэй.

Гу Цянь ответил тоном, не терпящим возражений:

— Потому что «слова» дома. Тебе придётся пойти со мной.

Цзи Лююнь веско кивнул:

— Тебе лучше слушаться. А не то свяжем и потащим силой.

Идти неизвестно куда с подозрительными типами, чтобы выслушать сомнительное завещание — всё это звучало как бред. Но эти двое... Один раздаёт приказы с ледяным лицом, другой поддакивает и подливает масла в огонь. Шэнь Цзяньвэйю было тридцать четыре, но сейчас он чувствовал себя взрослым, которого втянули в какую-то детскую игру.

— А тебе сколько лет? — спросил он медиума.

Тот сухо бросил:

— Двадцать один. А что?

— Да так, ничего, — усмехнулся хирург.

Он подумал, что эти двое, наверное, ровесники. Совсем ещё дети, возраст безрассудства.

— Но всё же... — Шэнь Цзяньвэй не договорил: его едва не сбил с ног какой-то здоровяк.

Мужчина даже не подумал извиниться. Он пролетел к стойке регистратуры и с размаху хлопнул по ней измятым талоном.

— Это что за новости?! Ждать до обеда?! — Его зычный голос мгновенно заполнил всё пространство холла. — Я тут, с самого утра торчу! Какого хрена ваша дырявая больница заставляет меня ждать?!

Дежурная медсестра вздрогнула от неожиданности, но быстро взяла себя в руки:

— Господин, приём ведётся в порядке очереди. Вы...

— Да вы хоть представляете, сколько стоит моё время?! Вы мне его возместите?! — Мужчина принялся яростно колотить по защитному стеклу; оно угрожающе затрещало. Одних кулаков ему показалось мало, и он схватился за стоящий рядом стул. — Живо ведите ко мне врача!

При виде этой сцены Шэнь Цзяньвэй мгновенно преобразился. Вся его расслабленность исчезла, сменившись холодной яростью. Он почти инстинктивно рванулся вперёд и с силой оттащил дебошира от стойки. Мужчина обернулся и, увидев медика, только сильнее распалился:

— О-о, докторишка руки распускает? Ты что, бессмертный?!

С этими словами он наотмашь толкнул Шэнь Цзяньвэя. Удар был такой силы, что врач отлетел к стойке и больно ударился. Острое перо ручки, лежавшей на столешнице, вонзилось ему в руку, оставив глубокую рану.

Рука, которая должна была спасти жизни.

Кровь потекла по коже, оставляя тёмные пятна на белом халате. Но Шэнь Цзяньвэй даже не вздрогнул, словно совсем не чувствовал боли. Он медленно выпрямился, сжав в кулаке ту самую ручку, испачканную собственной кровью. В его глазах вспыхнул багровый отсвет, и он

установился на обидчика тяжёлым, немигающим взглядом.

— Доктор Шэнь! — вскрикнула медсестра. — Вам нельзя! Мы не имеем права отвечать! Мы не должны вредить пациентам...

Если медик поднимет руку на пациента, общественность разорвёт его на части, а доверие к больнице будет подорвано. Никого не волнует, кто прав, кто виноват — правило «врач не имеет права давать сдачи» со временем превратилось в незыблемый закон. Хирург понимал это, но в ушах стоял пронзительный гул, пожирающий остатки его разума.

Он снова оказался в том дне. Крики, рыдания. Холодная рука в луже крови, глаза, которые больше никогда не откроются...

Здоровяк, почуяв нерешительность противника, окончательно потерял берега. Он выпятил грудь и загорланил на всю больницу:

— Смотрите! Врач людей бьёт! Все сюда, смотрите — доктор на больного кидается!

Это стало последней каплей. Пламя гнева окончательно выжгло остатки рассудка Шэнь Цзяньвэя. Его пальцы до хруста сжали ручку, и он медленно занёс руку для удара.

В тот же миг.

Тень метнулась вперёд, и подошва тяжёлого ботинка с размаху впечаталась в физиономию наглеца.

Гу Цянь сегодня научит его уму-разуму.

<http://bllate.org/book/15848/1435993>